

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В начале июня на США обрушился мощный торнадо, погибли около 20 человек.

В Китае в результате проливных дождей и наводнений погибло более 100 человек.

В Испании 24 июля в результате железнодорожной катастрофы погибли 80 человек.

В августе-сентябре от сильнейшего за всю историю наводнения пострадал российский Дальний Восток. Нанесенный ущерб оценивается во многие миллиарды рублей и усугубляется приближающимся холодным сезоном, а жизнедеятельность промышленных центров региона — Благовещенска, Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре — была серьезно нарушена.

Наводнения в Европе, эпидемия холеры в Конго, коронавирус в Саудовской Аравии, землетрясение в Индонезии, эпидемия холеры в Конго в числе негативных событий периода.

- Теракты совершены в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане, Турции, Таиланде, Нигере, Индии, Египте, Сомали.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ТОРЖЕСТВО БЮРОКРАТИЗМА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

*Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

Федор Тютчев «Весенняя гроза»¹

Уже некоторое десятилетие филологи спорят, какой смысл вкладывал поэт в словосочетание *громокипящий кубок*, пролитый на Землю. Одни видят в этом символ весенней очистительной грозы, смывающей накопившиеся за зиму мусор и нечистоты, другие — молнии, которыми Зевс наказывает погрязшее в грехах человечество. Обе эти интерпретации приходят на ум, когда речь идет о нынешней мировой политике. В ней накапливаются проблемы, чреватые труднопредсказуемыми в деталях, но более чем неприятными последствиями.

В первую очередь они порождаются процессами, происходящими в обществах, переживающих начальные этапы модернизации, а также углубляющимся кризисом социальной модели и внешней политики, характерным для Европы и отчасти США. Однако политические элиты Запада не хотят или не могут отказаться от устоявшихся стереотипов и искать реальные средства противодействия нарастающим угрозам и вызовам социального, экономического и военно-политического характера.

В итоге все более вероятной становится гроза. Очередные ее раскаты произошли, как можно было ожидать, на Ближнем Востоке. К событиям в Египте и Турции добавилось резкое обострение ситуации в Сирии и вокруг нее. *Арабская весна* плавно эволюционировала в горячее *ближневосточное лето*, которое, в свою очередь, перерастает в еще более жаркую *сирийскую осень*.

ЖАРКОЕ ЛЕТО В ЕГИПТЕ

3 июля 2013 г. в результате военного переворота, последовавшего за массовыми антиправительственными демонстрациями, был свергнут президент Египта

Ы
А
О
С
С
Б
Е
Ц
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И

та Мухаммед Мурси. Власть оказалась в руках командования вооруженных сил во главе с министром обороны генералом Ас-Сиси. Было объявлено о созыве Конституционной ассамблеи, которая подготовит проект новой конституции. Затем планируется одобрить этот проект на референдуме, избрать новый парламент и в феврале 2014 г. — президента. Будет выдержан этот график или нет, неизвестно. Сразу после переворота *Братья-мусульмане*, главная политическая опора бывшего режима, призвали к общенациональному *исламскому восстанию*. Вспыхнули массовые беспорядки. В результате вооруженных столкновений между исламистами и военными погибли несколько сот сторонников Мурси. Жесткие меры военного командования позволили несколько стабилизировать обстановку в столице. Тем не менее страна оказалась на пороге гражданской войны.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Главным позитивным событием периода стало свержение в Египте президента Мохаммеда Мурси. Но *Братья-мусульмане* не намерены легко сдавать свои позиции, о чем свидетельствуют непрекращающиеся по всей стране столкновения исламистов с полицией. Действия руководства Турции, Катара, Туниса, Судана, *Аль-Каиды*, направленные на разрешение египетского кризиса, способствуют реставрации правления *Братьев-мусульман*. Независимо от того, удастся ли армии удержать власть или произойдет гражданская война с миллионами жертв, Египет неминуемо ждет постепенная деградация экономики и социальной сферы до соответствующего реальному потенциалу страны минимума.

Сколько-нибудь полного объяснения причин падения прежнего режима пока нет. Еще весной 2013 г. эксперты уверяли, что «реальной угрозы тем исламистским силам, которые пришли к власти, нет. Несмотря на происходящее в Египте острое противостояние между президентом Мурси и исламистским блоком (прежде всего *Братьями-мусульманами*), с одной стороны, и светскими, либеральными, националистическими, левыми группами — с другой, *Братья* остаются самой влиятельной политической силой в Египте»².

Причины переворота ищут в некомпетентности самого Мурси, развале экономики, фактическом установлении авторитарного режима и быстрой исламизации страны. Так, согласно Конституции, одобренной на референдуме в декабре 2012 г., принципы шариата были утверждены в качестве источника права. При этом за консультациями по правовым вопросам необходимо обращаться к старейшим ученым весьма консервативного мусульманского университета *аль-Азхар*. Свобода слова была ограничена запретом на *оскорбления религиозных посланников и пророков* и так далее.

Экономика оказалась на грани краха. С 2010 по 2012 г. доходы от туризма, вклад которого в ВВП составляет около 10%, упали с 46 до 13 млрд долл. Темпы роста ВВП, составлявшие в 2005–2010 гг. в среднем около 6%, в 2011–2012 гг. упали до 1,9%. Золотовалютные резервы сократились на 60%. По официальным данным, более 1/4 египетского населения оказалось ниже черты бедности, а примерно столько же — чуть выше ее. Сократилось промышленное производство, более чем наполовину снизился объем иностранных инвестиций.

Это, помимо всего прочего, свидетельствует, что радикальный ислам не может предложить сколько-нибудь эффективное решение актуальных экономических и социальных проблем, более того, исламизация общества ведет к их обострению. Единственным исключением являются государства, в которых доходы от экспорта углеводородов компенсируют экономический и социальный ущерб, наносимый ею.

Важно и то, что экономические неурядицы, усугубившиеся после свержения Хосни Мубарака, в первую очередь сказались на наиболее бедных и малообразованных слоях населения. Однако именно эти слои образуют в Египте, как и во многих других странах *третьего мира*, основную социальную базу теократического режима. В свете этого движущие силы нынешних событий в Египте связаны не столько с падением жизненного уровня населения, сколько с противостоянием между группами, ориентированными на модернизацию, с одной стороны, и группами, стремящимися сохранить традиционные институты, с другой.

Быстрой политической стабилизации в Египте ожидать трудно. Нельзя исключать, что сторонники Мурси, *Братьев-мусульман* и других исламистских группировок смирятся с поражением и сделают ставку на победу на будущих выборах. Другой вариант — алжирский сценарий, предполагающий установление военной диктатуры, которая рано или поздно подавит массовыми репрессиями исламистские группировки. Но вполне возможно, что армия расколется и тогда в Египте начнется очередная ближневосточная *bellum omnium contra omnes*. Наиболее вероятным представляется второй вариант.

Как показывают результаты выборов, состоявшихся в Египте после падения режима Мубарака, исламисты пользуются поддержкой большинства египетского населения. На парламентских выборах в ноябре-декабре 2011 г. исламистские партии получили в общей сложности около 70% голосов. На первом месте с 37% голосов оказался *Египетский демократический альянс*, ведущей силой которого была *Партия свободы и справедливости* во главе с Мурси. На втором — салафитский *Исламский блок*, во главе которого была партия *аль-Нур*, получивший 28% голосов. Несколько меньшую поддержку исламисты получили на президентских выборах в июне 2012 г., но и тогда за Мурси во втором туре проголосовали почти 52% участвовавших в выборах. Его соперник, бывший командующий египетскими ВВС Ахмед Шафик, получил около 48% голосов.

Поэтому можно предположить, что если в конце 2013 — начале 2014 гг. в Египте будут проведены выборы, победителями вновь окажутся исламистские партии и политические деятели. Первое, что они сделают, будет массовая чистка офицерского корпуса, который сыграл решающую роль в свержении режима Мурси, и кардинальное снижение роли армии в политической и экономической жизни.

Для того чтобы исключить такое развитие событий, командование вооруженных сил скорее пойдет на установление авторитарного военного режима, чем на более или менее честные выборы, чреватые для военного истеблишмента крупными неприятностями. В свою очередь, у исламистских группировок, лишенных перспектив прихода к власти политическим путем, остается только один выход — борьба с военным режимом, сочетающая политическую пропаганду и террористические акции.

ТУРЕЦКИЙ РАСКОЛ

События в Турции похожи на процессы, происходящие в Египте, поскольку и в этой стране накопилось серьезное недовольство властями — прежде всего политикой исламизации. Однако здесь есть и серьезные различия.

С 2002 г., когда к власти пришла Партия справедливости и равенства во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом и Абдулой Гюлем, Турция стала одной из наиболее динамично развивающихся стран. ВВП вырос почти в 4 раза, инфляция сократилась с 30 до 7% в год, безработица снизилась до 8,2%. Быстрое экономическое развитие стимулировало рост и без того многочисленного европеизированного среднего класса, концентрирующегося в крупных городах. Интересы этого слоя вошли в противоречие с проводимой нынешним руководством политикой ползучей исламизации страны и превращения ее в Оттоманскую Порту XXI в., ведущую державу Большого Ближнего Востока.

То обстоятельство, что конфликт из-за судьбы парка в центре Стамбула всколыхнул всю страну, свидетельствует о высоком уровне общественного недовольства. К тому же накопившиеся противоречия затрагивают ключевую для страны проблему — сохранится ли курс, сформулированный в свое время Мустафой Кемалем Ататюрком, или Турция повернется лицом к Востоку, принимая свойственные неевропейским обществам ценности, нормы и политические институты.

Противостояние кемализма и исламизма в Турции отнюдь не новое явление. По инициативе Ататюрка в первой половине XX в. были проведены кардинальные реформы. Имперская идея заменена концепцией строительства светского государства и единой турецкой нации как составной части Европы, были закрыты религиозные школы и шариатские суды, запрещены исламские братства (*тарикаты*), введен григорианский календарь, предоставлены политические и гражданские права женщинам.

Законодательство было выстроено на основе швейцарского гражданского кодекса, немецкого уголовного и итальянского экономического права. Внешняя политика все больше ориентировалась на участие в европейских делах, происходило отчуждение от арабского мира. Европейская ориентация Турции существенно укрепилась после вступления в НАТО в 1952 г.

Однако идеологические и политические новации лишь в небольшой степени затронули сельское население, в большинстве своем придерживающееся исламских традиций. Массовая миграция сельских жителей в города привела во второй половине прошлого века к образованию там широких слоев, придерживающихся традиционной политико-идеологической ориентации и исламских ценностей и симпатизирующих установлению патримониального авторитаризма. Особую роль среди них играет мелкий и средний бизнес, основанный выходцами из глубинки, со временем завоевавших определенные позиции в городской среде. В результате появились и политические силы, выражающие интересы и настроения таких групп.

С 2000 г. эта роль принадлежит правящей ныне Партии справедливости и равенства, взявшей курс на реставрацию исламизма. В частности, в школах введены уроки ислама, открываются религиозные учебные заведения, строятся все новые мечети, фактически легализованы *тарикаты*. Внешнеполитическая программа включает идею создания под эгидой Турции блока мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока.

Соотношение сил между сторонниками и противниками исламизации страны пока складывается в пользу первых, но, как показывают опросы общественного мнения, поддержка Эрдогана сокращается. Так, в июне 2013 г. 54% опрошенных считали, что правительство вмешивается в их личную жизнь. Почти 50% были уверены, что действия Эрдогана в отношении протестующих являются конфронтационными и провокационными, а также что Турция приближается к авторитарному и репрессивному стилю руководства. И хотя весной 2013 г. одобрение деятельности Эрдогана сократилось на 7 процентных пунктов, его поддерживает большинство — 53% населения.

Вместе с тем значительная часть сторонников Эрдогана рассредоточена по небольшим провинциальным поселениям и деревням, тогда как его противники концентрируются в крупных городах и мегаполисах, играющих основную роль в решении ключевых политических проблем. Иными словами, вполне возможно возникновение не очень устойчивого равновесия сил. В этом случае на первый план выходят армия и полиция, от позиции которых будет зависеть исход назревающего кризиса.

Эксперты считают, что полиция в массе своей поддерживает Эрдогана, тогда как симпатии армейского офицерства на стороне светской оппозиции, но вопрос о политическом потенциале армии неясен. Вплоть до начала 2000-х гг. в Турции существовала ситуация *военно-гражданского маятника*: военное командование

несколько раз брало власть в свои руки, восстанавливало порядок, пресекало левый и правый экстремизм, запрещало исламские политические партии и организации. Но после прихода к власти Партии равенства и справедливости в офицерском корпусе была проведена массовая чистка, сопровождавшаяся арестами сотен высокопоставленных военных³.

В итоге развитие ситуации в Турции прогнозировать трудно. Можно лишь предполагать, что, во-первых, раскол турецкого общества не только сохранится, но и углубится, и во-вторых, экономическое развитие и близость к Европе будут стимулировать рост политического влияния вестернизированных групп.

СИРИЯ: ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

В конце августа 2013 г. ситуация в Сирии и вокруг нее резко обострилась. Несколько сот, по другим данным, — до 1300 человек, в том числе женщины и дети, стали жертвами химического оружия в пригородах Дамаска, находящихся под контролем антиасадовских сил. Через 10 дней президент США Барак Обама объявил о том, что им принято решение о военной операции против режима Асада, которая произойдет без одобрения Совета Безопасности ООН, который, как вполне справедливо сказал американский президент, «оказался парализованным», и даже — в крайнем случае — без одобрения конгресса.

Сирийская оппозиция обвинила в применении химического оружия правительство Асада. Последнее, в свою очередь, заявило, что отравляющие вещества изготовлены на территории Турции и их использовали противники режима, чтобы спровоцировать вмешательство Запада в гражданскую войну. Западные страны поддержали обвинения против режима Асада. Москва, как и следовало ожидать, выступила в пользу Дамаска.

Логика тех, кто поддерживает нынешний сирийский режим, сводится главным образом к утверждению: сделал тот, кому это выгодно. Иными словами, ответственность за применение химического оружия в Сирии лежит на оппозиции, заинтересованной в том, чтобы спровоцировать вооруженное вмешательство Запада и с помощью американских крылатых ракет и авиаударов разгромить ключевые политические и военные объекты режима Асада.

Кроме того, МИД России упоминает некий доклад российских экспертов, которые, проанализировав образцы, полученные, как утверждает, в районе применения отравляющих веществ в Сирии 19 марта 2013 г., установили, что химическая атака была предпринята оппозицией. Единственный аргумент авторов доклада, если верить его изложению, сделанному представителем России в ООН В. Чуркиным, в том, что отравляющее вещество (зарин) и снаряд, которым оно доставлено, были кустарного производства. Правдоподобность этих утверждений вызывает сомнения.

Дело не только в том, что российские дипломаты часто склонны выдавать желаемое за действительное. Достаточно вспомнить как В. Чуркин и его коллеги в августе 2008 г. доказывали, что грузинские войска убили 2000 мирных жителей Цхинвали, когда на самом деле в ходе боев за город погибло не более 170 осетин, главным образом боевиков. Документ, подготовленный российскими экспертами, не опубликован, следовательно, независимым экспертам неизвестны ответы на ключевые вопросы — когда и где были собраны образцы отравляющего вещества и снаряда, которым они были доставлены, и как было доказано, что они не подброшены сирийскими правительственными службами.

Аргументы, используемые противниками режима Асада, намного более весомы. Во-первых, Дамаск де-факто признает наличие химического арсенала. Так, 23 июля 2012 г. представитель сирийского МИДа Джихад Макдисси заявил, что «Сирия может применить химическое оружие только в случае агрессии извне»⁴. Вопрос же о том, где, когда, с чьей помощью и каким именно образом сирийская

оппозиция могла изготовить зарин и снарядить им артиллерийские снаряды или боеголовки ракет, остается открытым. Во-вторых, сирийские власти позволили инспекторам ООН посетить место, где в марте 2013 г. было применено химическое оружие, только через 6 месяцев после его использования, а в августе 2013 г. задержали прибытие инспекторской группы в районы близ Дамаска на неделю. Единственно, что эта группа может сделать — подтвердить или опровергнуть факт использования отравляющих веществ. При этом зарин, который предположительно был использован и в том, и в другом месте, вещество весьма нестойкое, в летних условиях разлагается в течении нескольких часов. Это неизбежно затрудняет установление истины, что выгодно Дамаску, а не оппозиции. В-третьих, американские власти заявили, что был перехвачен и записан разговор сирийских военных, из которого следует, что отравляющие вещества были применены именно армией. В-четвертых, наконец данные спутниковой разведки показали, что удары химическим оружием были нанесены из районов, контролируемых правительственными войсками, по 12 зонам вблизи Дамаска, где находились оппозиционные силы.

Вопрос о том, кто применил химическое оружие в Сирии, бесспорно, важен. Но еще важнее, что оно вообще было применено. Хуже всего, если это было сделано экстремистскими группировками — оппозиционными или контролируемые *Хезболлой* или иранскими властями, которые либо получили доступ к химическим арсеналам сирийской армии, либо смогли изготовить его самостоятельно. В этом случае перспектива террористических химических атак в США, Европе и России становится более чем реальной. Предотвратить их в обстановке, сложившейся в Сирии на конец лета 2013 г., можно только одним путем: убрать правительство Асада, привести к власти умеренные, склонные к разумным решениям группировки оппозиции и нейтрализовать экстремистское крыло. Если же отравляющие вещества были применены правительственными войсками и это останется безнаказанным, то распространение химического оружия получит мощный импульс и его использование будет фактически легитимизировано. В этом случае скорее рано, чем поздно, оно попадет в руки террористических группировок. Видимо, эти соображения стали одной из основных причин жесткой реакции ряда ведущих западных стран на события в Сирии. Одновременно все большее недоумение вызывают непрекращающаяся экономическая и политическая поддержка Москвой режима Асада, а также поставки последнему военного снаряжения, позволяющие ему держаться у власти, увеличивая тем самым риск распространения химического оружия со всеми вытекающими из этого опасными последствиями.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ СБОИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

События на Ближнем Востоке при всех различиях в конкретных причинах недовольства властями в разных странах в очередной раз высветили противоречия между слоями, выступающими за модернизацию традиционных обществ, и теми кругами, которые стремятся предотвратить ее. Это противоречие имеет место как на национальном, так и на глобальном уровне. Оно порождается глубинными процессами, происходящими в экономической и социальной сферах.

Научно-техническая революция стимулирует слияние национальных экономик в единые структуры, а также становление наднациональных и транснациональных политических институтов. Перед всеми обществами стоит дилемма: либо адаптация к этим процессам и использование их в интересах технологического прогресса и решения социальных проблем, либо отставание и стагнация. Однако такая адаптация предполагает способность к технологическим и социальным инновациям, интеллектуальную и политическую свободу и умение эффективно действовать в быстро меняющейся транснациональной среде.

Являясь необходимым условием благосостояния и развития, модернизация приводит к эрозии традиционных групп, институтов и идеологий, сопровождается падением их социального статуса и ухудшением экономического положения. Соппротивление модернизации возникает в той части мира, которая уже вовлечена

в становление транснациональной экономики и глобальных институтов, но не готова к активному участию в них. В итоге формируется новая ось мировых противоречий: между теми, кто адаптируется к складывающимся условиям, и теми, кто не способен к этому.

На национальном уровне усиливаются противоречия, порождаемые неравномерным вовлечением в модернизацию различных групп. Наряду с ориентированной на традиционализм частью населения возникают и активизируются круги, заинтересованные в модернизации, отвергающие свойственную традиционному обществу жесткую регламентацию и связывающие достижение личных целей с социальным, политическим и технологическим прогрессом. Такие группы концентрируются в крупных городских центрах. На другом полюсе — сельское население и городские низы, в первую очередь недавние переселенцы из деревни в города, наиболее подверженные влиянию традиционных институтов и идеологий.

В идеологическом плане сопротивление переменам чаще всего выражается в обращении к религиозным и политическим доктринам, идеализирующим прошлое, видящим в происходящих в мире изменениях моральную и социальную деградацию. В политическом плане оно обычно сводится к изоляционизму. Но даже частичная изоляция неизбежно сначала приводит к застою, а затем к обострению кризисных явлений в экономике и обществе.

В этих условиях у верхушки традиционных обществ, переживающих процессы форсированных модернизаций, возникает потребность направить накапливающееся раздражение масс вовне, нацелить его на те страны и регионы, которые либо являются символом и источником перемен, прежде всего США, либо по иным причинам вызывающие ненависть местного населения, в мусульманском мире к ним относится Израиль.

Такая стратегия часто получает поддержку масс: мифологизированное сознание склонно искать причины собственного неблагополучия в действиях внешних сил зла. Эта ситуация усугубляется (за исключением арабских нефтедобывающих стран Персидского залива) низким жизненным уровнем масс и резко контрастным расслоением общества по имущественному признаку. Незавершенная модернизация нередко выливается в социальную дезориентацию, неудовлетворенность, раздражение и агрессивность, создающие благоприятные условия для политического радикализма.

Такие процессы протекают сегодня не только в мусульманском мире, но и в мусульманских общинах в Европе и Северной Америке, стимулируя там исламский радикализм, ставший идеологической основой противодействия переменам и сохранения традиционных культур, противоборства с либеральным, антропоцентрическим видением мира. Он предлагает решения, доступные пониманию малообразованных масс, ясно обозначает врага, ответственного за переживаемые экономические и социальные трудности, и намечает путь их преодоления — *священную войну* во имя утверждения истинных ценностей и собственной веры как единственно правильный путь к спасению.

Из этого следует тревожный вывод. По мере неизбежного вовлечения в глобализацию в традиционных обществах нарастают силы, пытающиеся ее остановить и ставящие своей целью противостояние с постмодернистской цивилизацией Запада. Это противостояние может принять форму *глобальной герильи*, полями сражений которой будут не только ущелья и плоскогорья стран Юга, но и городские джунгли крупнейших мегаполисов Севера⁵.

При этом слои, заинтересованные в модернизации и вестернизации, как правило, составляют меньшинство населения и, следовательно, не могут рассчитывать на победу на выборах. Иными словами, в результате демократизации к власти в мусульманских странах приходят исламистские круги, опирающиеся на отсталую, ориентированную на традиционализм часть населения. Возникает реальная возможность появления нового, весьма опасного феномена — *исламофашизма*.

Это ставит под вопрос широко распространенный в Европе и США тезис о необходимости политической и иной поддержки любых демократических реформ в развивающихся странах. Напротив, во многих случаях единственным противовесом радикальным силам могут быть светские авторитарные режимы, в том числе военные диктатуры.

ВАШИНГТОН: ТУПИК ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИИ СИЛ

Внешняя политика США является одним из двух-трех наиболее важных факторов международных отношений. Помимо всего прочего, американская экономика выглядит относительно благополучной на фоне трудностей, переживаемых Европой, а победа на президентских выборах расширила свободу маневра администрации Барака Обамы на международной арене.

Вопрос только в том, насколько стратегические цели Соединенных Штатов, методы их достижения и представления о характере и движущих силах процессов, происходящих в различных регионах мира, соответствуют складывающейся там ситуации. В частности вызывает недоумение высказывание Барака Обамы в Берлине 19 июня 2013 г.: «Мы не можем диктовать направление изменений в местах, подобных арабскому миру. Но это не может служить оправданием отказу от их поддержки»⁶. Если вдуматься, это означает, что США поддерживают и должны поддерживать приход к власти в арабских странах исламистских кругов и групп, считающих своей целью противоборство с Соединенными Штатами как с силой, глубоко враждебной исламу.

Ключевые установки нынешней внешнеполитической линии США были сформулированы к началу 2013 г. Несмотря на начавшееся восстановление деловой активности, Вашингтон в первую очередь сосредоточен на собственных экономических проблемах и стремится исключить вовлечение в какие-либо конфликты за рубежом.

Основные международные усилия должны постепенно фокусироваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где, как ожидают в Белом доме, возрастает риск китайской экспансии. Задачи США — предотвратить ее и одновременно избежать конфронтации с Пекином. Для того чтобы усилить американские позиции в Азии, необходимо перенаправить туда ресурсы, которые сегодня задействованы на Ближнем Востоке и в Европе. В свою очередь, это требует если не разрешить сирийскую и иранскую проблемы, то хотя бы снизить их остроту.

В администрации Барака Обамы с удовлетворением восприняли заявления избранного в июне 2013 г. президентом Ирана Хасана Роухани о возможности диалога с Соединенными Штатами по ядерной проблеме. Правда, Хасан Роухани никогда и нигде не говорил об отказе от ядерной программы. «Наша ядерная программа абсолютно прозрачна, — заявил новый президент Ирана. — Но мы готовы продемонстрировать большую прозрачность, чтобы весь мир убедился, что действия Исламской Республики Иран полностью соответствуют международным установлениям»⁷.

Похоже, вместо того чтобы обсуждать условия, на которых Иран мог бы отказаться от обогащения урана, иранские дипломаты постараются сфокусировать переговоры на вопросе о том, соответствует ли ядерная программа Ирана Договору о нераспространении ядерного оружия. Тем не менее победа Хасана Роухани на выборах позволяет на неопределенное время оттянуть принятие крайне нежелательного для Вашингтона решения о применении силы, чтобы предотвратить обретение Ираном ядерного оружия.

Менее благоприятно для США складывается ситуация в Сирии. На протяжении двух последних лет главная забота Белого дома заключается в том, чтобы избежать вовлечения в идущую там гражданскую войну. Иракский и афганский опыт убедили американцев, что такое вовлечение требует очень больших затрат, а его результаты могут оказаться незначительными.

Между тем режим Башара Асада пересек ту самую *красную черту*, которую установил президент Барак Обама: против оппозиции было применено химическое оружие. Провалилась идея проведения международной конференции по Сирии, договоренность о которой 7 мая 2013 г. была достигнута С. В. Лавровым и Джоном Керри. Если бы такая конференция состоялась, американское руководство могло бы создать иллюзию, что решение сирийской проблемы можно найти политическим путем, в результате сняв вопрос о направлении туда вооруженных сил.

Таким образом, к концу лета 2013 г. Белый дом оказался в сложном положении. Если победу одержит режим Башара Асада или вооруженный конфликт затянется на неопределенное время, президент Обама из-за политики невмешательства будет обвинен в крупном внешнеполитическом поражении США и Запада в целом. Но если сирийский режим рухнет, что более вероятно, то это государство может распасться на конфликтующие друг с другом анклавы и окончательно превратиться в источник нестабильности, отравляющий геополитическую обстановку на всем Ближнем Востоке. Химические удары по мирному населению зон, контролируемых повстанцами, положили конец вялой и неуверенной политике США в Сирии. В тот момент, когда был завершен этот обзор, не было ясности относительно того, в какой форме и в каких масштабах американские вооруженные силы будут использованы против режима Асада. Было понятно лишь, что США не пойдут на крупномасштабную наземную операцию и оккупацию всей или части территории Сирии. Однако, если Соединенные Штаты повторят в том или ином виде югославский сценарий 1999 г., то есть нанесут серию авиаракетных ударов, уничтожающих ключевые военные и политические объекты режима, то последний неизбежно прекратит существование. Главная проблема в этом случае — предотвратить распад государства на соперничающие анклавы. Удастся это или нет, сказать трудно. Но ясно одно: для того чтобы избежать нарастания хаоса в Сирии, необходима массивная финансовая и материальная, в том числе оружием, помощь умеренной части оппозиции.

НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА?

Многие наблюдатели расценили отказ президента Обамы от встречи с В. В. Путиным как начало новой холодной войны. Верен этот вывод или нет, зависит от того, что подразумевать под термином *холодная война*. Но, как бы то ни было, похоже, что Россия и США вступили в период острого политического противостояния. Действительно, отказ от саммита — экстраординарное событие в дипломатической практике. По сути дела Белый дом открыто заявил, что не видит смысла обсуждать что-либо с российским президентом, что терпение Вашингтона лопнуло, а пауза в отношениях с Москвой необходима, для того чтобы «переоценить куда идет Россия» (reassess where it is that Russia is going) и, соответственно, выработать новую линию в отношениях с ней.

Андрей Кортунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Очередное снижение уровня безопасности связано с процессами, происходящими как в самой России, так в сопредельных с ней регионах. Произошло существенное ухудшение российско-американских отношений. Отмена запланированного на начало сентября визита президента США Барака Обамы в Москву свидетельствует о накопившихся сложностях в отношениях двух стран и отсутствием прогресса по ключевым направлениям сотрудничества. Пока не просматривается ни одного очевидного решения имеющих место проблем. Это относится как к проблеме противоракетной обороны, так и к дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений.

Американские эксперты и политики, отстаивавшие в последние несколько лет *перезагрузку* отношений с Россией, оказались в более чем затруднительном положении. Пытаясь спасти лицо, они обвиняют в случившемся антироссийские силы в США и антиамериканские круги в России и доказывают, что растущее противостояние противоречит долгосрочным интересам двух стран. Прокремлевские аналитики и пропагандисты как в России, так и за рубежом также делают хорошую мину при плохой игре, утверждая, что ничего страшного не произошло, что намеченный на сентябрь российско-американский саммит все равно кончился бы ничем, что ответственность за его провал несут США, не готовые к «равноправным отношениям в России», и что отказ от саммита на самом деле продемонстрировал, что Россия ведет не зависимую от США политику и не поддается на давление из Вашингтона. И те, и другие объясняют решение Белого дома некоей чрезмерной реакцией на решение Кремля предоставить политическое убежище Сноудену.

Во всех этих утверждениях правильно лишь то, что сентябрьский саммит вряд ли завершился бы сколько-нибудь заметным успехом. Однако 90% встреч на высшем уровне заканчивались и будут заканчиваться без видимых результатов. Их задача в другом: продемонстрировать, что лидеры соответствующих стран, даже если они расходятся во мнениях и испытывают личную неприязнь друг к другу, все же могут открыто обсуждать серьезные вопросы и искать пути решения имеющихся противоречий.

Решение Вашингтона объяснимо. На протяжении всех пяти лет президентства Барака Обамы США делали все возможное, для того чтобы установить хотя бы ограниченное сотрудничество с Москвой по тем международным проблемам, которые представляют для Америки особый интерес — ядерные программы Ирана и КНДР, *Арабская весна*, ядерное разоружение, в последние год-два — Сирия. С тем чтобы достичь взаимопонимания в этих областях, США пошли на весьма серьезные уступки Кремлю. Отменено решение о развертывании тяжелых ракет-перехватчиков *GBI* в Польше и радара ПРО в Чехии; по сути дела снят вопрос о приеме в НАТО Украины и Грузии; было дано понять, что нарастание авторитарных тенденций в России озабоченности в американской столице не вызывает. После второй инаугурации президента Обамы было объявлено, что на неопределенный срок откладывается принятие на вооружение ракет-перехватчиков *SM-3 Block IIB*, вызывавших особую озабоченность у российских военных. Было предложено начать переговоры относительно транспарентности программ ПРО и снижении на 30% потолка на стратегические наступательные вооружения. И то, и другое полностью соответствовало стратегическим интересам России.

Однако ответ России на американские предложения был отрицательным, а аргументы, использовавшиеся для обоснования российской позиции, в большинстве случаев были весьма неубедительны. В частности российские официальные лица утверждают, что необходимо сначала выполнить нынешний ДСНВ и только потом перейти к обсуждению новых сокращений. Рассмотрение этого вопроса они считают необходимым в связке с проблематикой ПРО, космических вооружений и стратегических вооружений в неядерном оснащении, дисбаланса в сфере обычных вооружений, а также ядерным оружием Великобритании и Франции. Выдвижение этих проблем в качестве условий дальнейших сокращений стратегических вооружений преследует только одну цель — заблокировать переговоры о таких сокращениях, поставив администрацию Барака Обамы в неловкое положение. Вместе с тем в ряде случаев российский подход к этим проблемам вызывает серьезные возражения.

Так, в последнее время российские военные и дипломаты много говорили об опасности стратегических вооружений в неядерном оснащении. Но эта проблема уже решена в новом Договоре СНВ, подписанном в 2010 г. в Праге. Он ограничивает общее количество боезарядов, находящихся на стратегических носителях, причем специально упоминаются ядерные боезаряды, относящиеся только к бомбарди-

ровщикам. Применительно к МБР и БРПЛ говорится о боезарядах без какого-либо уточнения: идет ли речь о ядерных или неядерных устройствах⁸.

Это означает, что Россия и США могут развертывать на своих стратегических баллистических ракетах как ядерные, так и неядерные боеголовки, важно лишь, чтобы их общее количество было ограничено установленным пределом. Этот предел и определяет максимальный ущерб, который может быть причинен стороне, подвергшейся агрессии, независимо от того, какой боеголовкой оснащены ракеты, достигающие территории потенциального противника. При этом неясно, почему неядерная боеголовка стратегической ракеты более опасна для России, чем ядерная.

В отличие от вопроса о неядерных стратегических вооружениях проблема предотвращения гонки вооружений в космосе может со временем приобрести актуальность. Однако наиболее опасные виды военной деятельности в космическом пространстве, в том числе размещение там ядерного оружия и его испытания уже запрещены. Но никто не требует запрещения использования космоса в военных целях самого по себе, например, для размещения там спутников разведки, связи, наведения и так далее. Следовательно, речь может идти об определении таких видов военной деятельности, недопущение которых находится в интересах всех государств, имеющих крупные космические программы, и не затрагивает другие программы, которые считаются важными для обеспечения их безопасности. Задача эта исключительно трудна.

Кроме того, сегодня отсутствуют более или менее приемлемые определения ключевых терминов, относящихся к теме возможных переговоров. Например, неясно, где кончается атмосфера и начинается космическое пространство. Очень трудно будет договориться о процедурах верификации, в частности неизбежно возникнет вопрос: как проверить, находится ли на космическом аппарате оружие? Единственная возможность — присутствие иностранной инспекторской группы при сборке каждого такого аппарата, что вряд ли приемлемо для России, США и большинства государств, ведущих космическую деятельность.

Бесспорно, заслуживает обсуждения вопрос об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе, и дисбаланс в этой области между Россией и НАТО имеет место, однако в Москве предпочитают не замечать, что вероятность континентального вооруженного конфликта в Европе в настоящее время равна нулю. Поэтому любые сравнения военного потенциала России и всех стран — членов НАТО, вместе взятых, не имеют смысла.

Вместе с тем искать решение проблем, связанных с обычными вооружениями, имеет смысл применительно к районам, где может возникнуть военное противостояние России и НАТО. Таких районов два — Южная Балтика и Черноморский бассейн, включая западную часть Южного Кавказа. Геополитическая ситуация и баланс сил в каждом из этих регионов уникальны. В самом общем виде можно предположить, что снижение там опасности военного противостояния требует сочетания различных мер: укрепления доверия, создания зон пониженных вооружений, в том числе на территории России, неразмещения в них дестабилизирующих систем оружия и так далее.

Таким образом, вопросы предотвращения гонки вооружений в космосе и обычных вооружений в Европе относятся к числу реальных военно-стратегических проблем, решение которых сегодня или в будущем может упрочить международную безопасность.

Наконец сохраняющийся тупик в российско-американских отношениях вызван российскими требованиями относительно программы ПРО. Весной 2013 г. Вашингтон предложил заключить соглашение о транспарентности и мерах доверия в этой области. Рассказав Москве о деталях разворачиваемой системы, в Белом доме решили, что можно убедить ее в том, что озабоченности российских дипломатов и военных не имеют под собой оснований. Устранив их, можно перейти к тому, что действительно представляет для США интерес: сокращение стратегических ядер-

ных вооружений и нестратегического ядерного оружия в Европе. Однако и это предложение было заблокировано Москвой.

Неизбежно встает вопрос: в чем причины конфронтационного курса российской дипломатии? Их может быть несколько. В Москве могут просто неадекватно оценивать намерения и потенциал США и других западных стран и переоценивать собственные возможности. Стремление Белого дома к компромиссам и поиску сотрудничества с Россией воспринимали как свидетельство слабости. Наконец могло иметь место сознательное провоцирование напряженности с тем, чтобы использовать ее во внутривнутриполитических целях, в том числе для оправдания наращивания военных расходов. Однако, чем бы ни был вызван обструкционистский курс Москвы в отношениях с США, если он приведет к новой холодной войне, ее результаты будут еще более плачевными для России, чем итоги первой холодной войны для СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПАРАЛИЧ ВОЛИ

К концу XX в. евроатлантическая цивилизация достигла вершины своего расцвета. Однако ее достижения не могли не обернуться своей противоположностью. Ориентация на стабильность и социальные гарантии постепенно стала превалировать над потребностями развития. Колоссальные социальные расходы породили бюджетный дефицит и одновременно растущее налоговое бремя, замедляющее экономический рост.

Необходимость учета, сбора и перераспределения ресурсов в пользу малообеспеченной части населения стимулировали рост бюрократии. Сформировались многочисленные группы, живущие на разнообразные пособия. В них распространяются иждивенческие настроения, теряются трудовые мотивации и одновременно накапливается агрессивность в отношении благополучных слоев. Всеобщее избирательное право позволяет этим группам оказывать растущее влияние на внутривнутриполитическую и экономическую жизнь. Одним из проявлений неадекватности европейской модели стал долговой кризис, охвативший с 2010 г. зону евро.

Социальные гарантии и относительное благосостояние привлекают в США и европейские страны растущие потоки мигрантов из так называемого *третьего мира*. В крупнейших мегаполисах возникли крупные общины — своего рода гетто — находящихся в нижнем общественном слое носителей взглядов, установок и ценностей, глубоко чуждых европейской культурной традиции. Однако леволиберальные и социальные идеологические установки препятствуют выработке рациональной иммиграционной политики. В результате растут антииммигрантские настроения, стимулирующие популистские взгляды ультраправого толка, усиливается этнополитическая напряженность.

Сегодня Запад нуждается в значительной коррекции системы ценностей и в смене исчерпавшей себя социальной модели в исторически короткие сроки. Однако, как показывает опыт Греции, Испании и ряда других стран, это вызывает острое сопротивление многочисленных групп, являющихся ее главными бенефициарами. В результате правящие элиты европейских стран до сих пор не смогли выработать более или менее эффективную стратегию выхода из социально-экономического и политического тупиков.

Если такое положение не изменится, неизбежно обострение противоречий и конфликтов двух типов. Первый — между средними слоями, создающими основные материальные и интеллектуальные ценности, растущая часть доходов которых изымается для финансирования социальных программ, и иждивенческими группами. Второй — между мигрантами и основным населением Европы.

Предугадать сегодня форму и проявление этих конфликтов невозможно, но их конечный результат в целом предсказуем: на смену леволиберальному, доведен-

ному до абсурда эгалитаризму придет неоконсервативная модель, в основе которой лежат принципы протестантской этики.

В экстремальном варианте этот процесс может завершиться ограничением демократии. Впрочем, более вероятно, что неоконсервативный подъем или даже неоконсервативная революция в Европе произойдет в мягкой форме при сохранении демократических институтов. Но для этого необходимо преодолеть свойственное нынешней элите Запада *томление духа* — паралич политической воли и инерцию мышления, осознать необходимость системных перемен и восстановить представление об исторической миссии Европы и Запада в целом. Однако уверенности в том, что это произойдет, сегодня нет.

Во внешней политике паралич воли проявляется двояко. В силу нарастающих социально-экономических трудностей правящие элиты Запада отвлечены от международных проблем. Самое плохое здесь то, что стратегическая линия западных стран на мировой арене все в большей мере ориентируется не на решение возникающих проблем, а на то, чтобы избежать осложнений, сэкономить ресурсы и не допустить непопулярных действий.

Такой стиль свойственен чиновникам, которые, в отличие от подлинных политических лидеров, стремятся действовать в рамках установившихся правил и процедур даже тогда, когда последние перестают соответствовать складывающейся реальности. Это положение усугубляется идеологическими шорами. Поведенческие парадигмы, основанные на терпимости, солидарности, уважении прав человека, склонности к решению конфликтов путем компромиссов, политической корректности и тому подобное, хорошо работающие в рамках постмодернистского общества, оказываются неприменимыми в отношениях с государствами и группами традиционного толка.

Впрочем, во всем этом нет ничего нового. Мудрецы древности понимали: «Человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть... так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них»⁹. Бедственные времена и вправду наступают, но оказываются неожиданными.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ИЛЛЮЗИЯ ПОЛИТИКИ AD HOC

Старательные разъяснения представителей мировой финансовой общественности, что финансового кризиса не будет, окончательно убедили всех, что он не просто будет, а он уже начался. И то верно: если фактический дефолт двух стран ЕС и преддефолтное состояние еще четырех — это не кризис, то что тогда следует считать кризисом? А *раскулачивание* на Кипре — это уже просто довесок к общей массе проблем.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ВСЕ-ТАКИ БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

Однако же *прогрессивное человечество*, за исключением противников однополых браков во Франции, в целом ведет себя довольно спокойно. И это так контрастирует с тем, что творилось еще полтора года назад в Греции во вполне схожей и, кстати, существенно менее острой по своим долгосрочным последствиям ситуации. На первый взгляд этот странный феномен непонятен, но если проанализировать более широкий контекст, становится понятной его причина: европейцев (в существенно меньшей степени американцев) поразил старый советский синдром — *лишь бы не было войны*.

